

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Николай Иванович Костомаров.
Николая Костомарова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ Д. Е. КОМАНЧИКОВА.

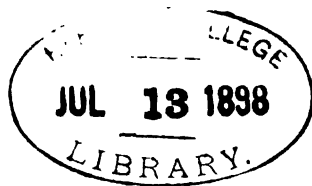
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Траншея, на углу Невск. и Влад. пр., д. № 45 — 1,

1872.

Slaw 720.2

Gardner fund.
(20 vols. in 13)

-191⁸
64

МЫСЛИ
О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

МЫСЛИ

О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подѣ влияніемъ которыхъ сложились бытъ Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи русскаго народа, сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностію жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зачинъ русскаго государственнаго строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единое государство, а съ другой—къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностію. Это начало федерации не представляетъ въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго славянскому племени; его встрѣчаемъ мы какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ челоѣка не была подавлена насильственнымъ сплоченіемъ, или гдѣ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись на своемъ пути въ разныя стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скорого образованія изъ себя единого государства; племена, населявшія ее, были слишкомъ разнообразны, чтобъ скоро

*

слиться въ одинъ народъ; самое славянское племя, имѣвшее болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было само раздѣлено на второстепенныя племена, заключающія въ себѣ залоговъ долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всеиъ русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одни Славяне — старые, другіе — пришлые; въ языкѣ, правахъ и обычаяхъ тѣхъ и другихъ должны были заключаться такія отличія, которыя препятствовали ихъ скорому слитію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одними только мѣстами новаго ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались втеченіе значительнаго времени привычками, преданіями и своеобразными приёмами быта. Достаточно указать на описаніе Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопришлыхъ Славянъ и притомъ обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. «Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнне имѣху; брачныя обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця» (Лѣтоп., т. I. стр. 6). Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ: въ этомъ преданіи, конечно, переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности; да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственныя завѣтныя преданія, которыя были чужды другимъ славяно-русскимъ народамъ и имъ самимъ не давали смѣшиваться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ — Радимъ, у Вятичей — Вятко. Для

другихъ Русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ подмѣтилъ старинныя черты нравовъ. «И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщаешася; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу мертвеца и сожъжаху, а посемъ собравши кости, вложашу въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ» (*тамъ же*). Кривичи, какъ показываетъ ихъ названіе, уже тяготѣли нѣ прусско-литовскому центру религіознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленный народъ Тиверцевъ и Улучей, жившій по близости къ морю, имѣлъ, конечно, свои особенности: на это намекаютъ слова нашей лѣтописи, — что этотъ народъ нѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*, — этотъ именно, а не другіе съ нимъ вмѣстѣ. «Сѣдаху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ Грекъ *Великая Скуфь*» (*тамъ же*).

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не исчезали ни послѣ укорененія единого княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумѣется, уже послѣ принятія христіанства, говорятъ, что всѣ они *имяху обычай свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ*, и при этомъ жалуются, что нѣкоторые, какъ на примѣръ Вятичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила

скорѣйшій доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали исчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодоносныя, и вмѣстѣ открытыя нападенію иноплеменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на организмъ и наклонности человека теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Суздальской Земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ длинны и затруднительны. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкіе степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали оди другихъ; каждый составлялъ себѣ понятія о сосѣдяхъ или невѣрныя, или враждебныя, и надолго сживался съ такими понятіями. Повидимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое исканіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглядѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Полѣщука, потомка Древлянъ и наслѣдника ихъ имени, проглядываетъ тѣнь враждебности. Полѣщукъ, для Украинца, или волдунъ, способный на лихое дѣло, превращающій людей въ волковъ, или глупецъ, осмѣиваемый въ затѣйливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдается, въ воображеніи того же Украинца, Литвинъ (подъ этимъ именемъ разумѣется народъ не дѣйствительно литовскій, а бѣлорусскій), т. е. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ Земля Кривская была страной волхвованій при Всеславѣ полоцкомъ. Такъ близкіе народные отгѣнки получаютъ нѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразвитѣе масса народа, чѣмъ уже кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ уже у нея понятіе о своенародности, оно

тѣмъ сосредоточеніе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ, и все, что сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, непривычнымъ, неудобопріемлемымъ. Различія нарѣчій, нерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобъ въ какомъ-нибудь городкѣ или округѣ составились насмѣшливые рассказы о сосѣдяхъ и передразниванья. Такъ и теперь сосѣди Псковичей и Новгородцевъ насмѣшливо передразниваютъ употребленіе *и* вмѣсто *ч* въ ихъ нарѣчій, а у Одоевцевъ и Иценянъ *ч* вмѣсто *и*. Различіе въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта достаточно, чтобъ сосѣди дали сосѣдямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдаленности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислоухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами, и лапшевиками за то, что они ѣдятъ лапшу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у сосѣдей насмѣшливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разные времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подоли, третьи изъ Сѣверской стороны; разные нарѣчія Южной Руси отпечатались въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотритъ на другое какъ на особый отъ него народъ. «Что городъ, то норовъ», говоритъ пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событія, которыя касаются внѣшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемыя историками), которыя выказываютъ народныя нравы: такъ, нѣкогда благоприятный пріютъ разбоевъ—Сѣверскій край и сосѣдній ему—нынѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти непріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кромыцевъ, Карачевцевъ прозываютъ ворами и сорвиголовами. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село повторенными нѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаетъ на себя отъ сосѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами,

конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но разражались кровавыми столкновеніями, которыя раздували болѣе-и-болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себя Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими недолго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманны. Но подпадали подъ чужую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Тамъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманны, на югѣ другіе — Хазары, а югозападная часть оставалась, какъ видно, независимой, но не избѣжала столкновенія съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевыя опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи оказалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развиваться правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различные интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ, и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готевъ, понятно, что появленіе въ

приволжскихъ степяхъ толпы Гунновъ могли поднять всѣми платами поработенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, не доставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, не доставало на столько, чтобъ воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славянамъ не было времени передумать это. Держава Гуннская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали тереть другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновения народовъ съ чужеплеменниками безъ взаимной связи съ единоплеменниками. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь внѣшняя сила, вызывающая противодѣйствіе; но тогда необходимо, чтобъ эта внѣшняя сила могла овладѣть многими, если не всѣми, племенами, и нацѣль на такую массу народа, которая была бы въ состояніи низпровергнуть тяготящее начало, чтобы такимъ образомъ эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ сѣверозападѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобъ дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славянъ на югъ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазарь была слишкомъ мягкою, и не возбудила противъ себя энергическаго движенія, — Славяне не очень, какъ видно, дорожили этою иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слышали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный

такимъ способомъ рассказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтописъ, для этихъ славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немислимо существовать, не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и Черемисовъ, или у сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань русскому государю; сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно—не платить никому дани, потому что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть-можетъ, оно и было у ихъ пращуровъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властію другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикава дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Древлянами, не подпавшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ хазарскихъ, но живя не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своебытности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, варяжская, была тягостнѣе хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ кievскихъ князей, тогда какъ, повидимому, эти народцы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть, однако, не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называемымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постоянного управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, внимательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ

изъ коленъ обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ слугъ, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что успѣвали, дни ихъ носѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства, останавливаться долго на одномъ мѣстѣ было некогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволъ, не видалъ надъ собою отяготительнаго ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ пока Олегъ, дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, было мало, и они слишкомъ скоро расплылись въ массѣ Полянъ. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кстати пришлась вражда Полянъ съ Древлѣнами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, то же было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали искони частныя взаимныя непріязни и это оказалось полезнымъ для княжеской власти.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся человѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлѣнами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлѣнахъ говоритъ, что кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древлѣне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ современемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненные отношенія: это дѣйстви-

тельно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возставать противъ новой власти, если не было его у самыхъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ—Вятичей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣе другихъ народовъ, совершилось уже не такъ, какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ пришельцамъ, а Руси-Полянамъ, Киеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятичами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними—Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ по видимому—избраніе, добровольный призывъ; здѣсь—завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы (если только вѣрить преданію, переданному лѣтописью) остаются такъ же свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разсѣдинены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили кievскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже и при условіяхъ большой близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти на-

родцы отстаивали свою независимость. Среди самых подчиненных народов возникли интересы, отношенія, связывавшіе ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ нимъ Хазарь, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи, и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень приманчиво такое занятіе: много находилось охотниковъ. Наконецъ пришлые князья и ихъ воинственные спутники, скоро ослабѣли и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ того перерожденія уже невозможно было возстаніе славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода ига могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплеменниковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ послѣднихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древляне, при какихъ-нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилій отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* кіевского князя. Мало-по-малу эти частные князьки были вытѣснены, упали въ въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришедшаго кіевского дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь